

Региональная экономика

Санкции, уход иностранных компаний и деловая активность в регионах России

Степан Петрович Земцов

ORCID 0000-0003-1283-0362

Директор Центра экономической географии и регионалистики ИПЭИ РАНХиГС, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 117517, Москва, пр. Вернадского, 82).
Email: zemtsov@ranepa.ru

Александр Александрович Михайлов

ORCID 0000-0001-7174-2683

Научный сотрудник Центра экономической географии и регионалистики ИПЭИ РАНХиГС, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 117517, Москва, пр. Вернадского, 82).
Email: mikhaylov-aa@ranepa.ru

Вера Александровна Барина

ORCID 0000-0002-9596-4683

Заведующий лабораторией исследований проблем устойчивого развития ИПЭИ РАНХиГС, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 117517, Москва, пр. Вернадского, 82).
Email: Barinova-va@ranepa.ru

Аннотация

Несмотря на ограничение доступных для предпринимателей рынков и разрыв цепочек поставок, значения многих индикаторов деловой активности в России в 2022 году не снизились. При этом различия между регионами в реакции на внешние шоки существенны. С помощью эконометрических расчетов показаны факторы, повлиявшие на динамику наиболее оперативного показателя деловой активности — роста числа новых предприятий малого и среднего бизнеса. Во-первых, более высокие значения показателя наблюдались в регионах, где менее тесными были экономические связи со странами, вводившими санкции. В некоторых сырьевых регионах на эти страны ежегодно приходилось более 80% экспорта и импорта. Во-вторых, уход из России ряда компаний мог освободить отдельные рыночные ниши (в торговле, IT, иных услугах и в обработке): объем выручки предприятий из стран, признанных недружественными, составлял около 16 трлн руб., или около 1/10 части рынка. Гипотеза, что этот объем выручки положительно повлиял на число вновь созданных малых и средних предприятий через механизм освобождения рыночных ниш, подтвердилась условно и со слабым уровнем значимости. В-третьих, одним из инструментов адаптации к кризису, как и в период пандемии, оказался онлайн-сектор — благодаря распространению торговых интернет-площадок и разрешению параллельного импорта. В регионах, где бизнес и население активнее пользовались заказами товаров и услуг через интернет, динамика создания новых предприятий была выше. Подтвердилась гипотеза, что близость к недружественным странам повлияла на деловую активность в соответствующих приграничных регионах отрицательно. И наоборот, положительным фактором стало соседство с Грузией и Азербайджаном в связи с переориентацией потоков товаров и туристов. Также благоприятно влияло наличие в регионах крупных агломераций — благодаря масштабу и разнообразию рынков. Наблюдения позволили сделать ряд рекомендаций.

Ключевые слова: внешние шоки, малый и средний бизнес, рыночные ниши, кризис, адаптация экономики, приграничные регионы, санкции, параллельный импорт.

JEL: R11, J20, L11.

Работа выполнена в рамках госзадания РАНХиГС. Авторы благодарят Д. Землянского за предоставленные данные, А. Волошинскую — за предварительные расчеты и рецензентов — за ценные комментарии.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2022 года

Regional Economy

Sanctions, Exit of Foreign Companies and Business Activity in the Russian Regions

Stepan P. Zemtsov

ORCID 0000-0003-1283-0362

Director of the Center for Economic Geography and Regional Studies IPEI RANEPA, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: zemtsov@ranepa.ru

Alexander A. Mikhailov

ORCID 0000-0001-7174-2683

Research Fellow, Center for Economic Geography and Regional Studies, IPEI RANEPA Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: mikhaylov-aa@ranepa.ru

Vera A. Barinova

ORCID 0000-0002-9596-4683

Head Laboratory for Research on Sustainable Development at IPEI RANEPA, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,^a
e-mail: Barinova-va@ranepa.ru

^a 82, pr. Vernadskogo, Moscow, 117517, Russian Federation

Abstract

Despite the limited markets now available to entrepreneurs and the disruption of supply chains, many indicators of business activity in Russia did not decrease in 2022. However, there are significant differences between regions in their response to these external shocks. The article evaluates factors that brought about changes in the most pertinent indicator of business activity – the growth in the number of new small and medium-sized businesses. First, in regions where economic ties with the countries that imposed sanctions were weaker, there were more such new businesses. In some regions that produce raw materials, those countries annually accounted for more than 80% of exports and imports. Second, the withdrawal of companies from Russia may open up certain market niches (in trade, IT, other services, and processing). The revenue of enterprises from countries deemed unfriendly by the Russian government was about 16 trillion rubles, or about one tenth of the market. The hypothesis that this amount of revenue had a positive effect on the number of newly created small and medium-sized enterprises because of less competition in certain market niches was confirmed provisionally and with a low degree of significance. Third, just as the online sector provided one way of adapting to a crisis during the pandemic, the ubiquitous reach of online trading platforms along with access to parallel imports came into play. In regions where businesses and the public placed more orders for goods and services via the internet, more new enterprises were created. The hypothesis that proximity to unfriendly countries had a negative impact on business activity in the regions at their borders was confirmed. And vice versa, the proximity to Georgia and Azerbaijan had a positive effect as the flow of goods and tourists was redirected toward the North Caucasus. The scale and diversity of markets due to large economic agglomerations in the regions was also beneficial. These observations bear on a number of recommendations.

Keywords: external shocks, small and medium businesses, market niches, crisis, economic adaptation, border regions, sanctions, parallel imports.

JEL: R11, J20, L11.

Acknowledgements

This article has been prepared as part of a state commission from the RANEPA. The authors would like to express their gratitude to D. Zemlyansky for providing data, to A. Voloshinskaya for preliminary calculations, and to the reviewers for their valuable comments.

Введение

С конца февраля 2022 года российские предприятия начали испытывать сильный внешний шок: санкционное давление на Россию ограничило внешнеэкономические связи отечественных компаний [Ушкалова, 2022] посредством прямых и косвенных ограничений экспорта и импорта товаров, включая запреты на провоз товаров через отдельные страны и страхование грузов при перевозке. Финансовые санкции создали сложности при оплате внешнеторговых контрактов. Потребительский спрос сокращался на фоне инфляции¹, наряду с ростом стоимости заимствований² многие предприниматели столкнулись с рисками банкротства, а перспективы экономики России, по прогнозам экспертов³, не внушали оптимизма. Кроме того, в 2022 году многие иностранные компании (*Adidas, Dell, IKEA, IBM, Shell, McDonald's, H&M, Xerox* и др.)⁴ заявили о приостановке своей деятельности и работы совместных предприятий на российском рынке, в результате чего нарушились производственные цепочки. Всё это вело к сокращению деловой активности [Демидова, 2022] из-за потери предпринимателями рынков сбыта и капитала, разрыва цепочек поставок. Эти эффекты особенно проявлялись на территориях, где были сильны связи со странами, вводившими санкции, действовали иностранные предприятия, а также в регионах, приграничных с недружественными странами⁵. Впоследствии это повлечет негативные эффекты для рынков труда [Землянский и др., 2022; Ляшок, 2022a]. Тем не менее последние данные по экономике и рынкам труда [Израяднова, Ковалева, 2023; Ляшок, 2022b] свидетельствуют об их более высокой устойчивости⁶, чем ожидалось в начале года, а предпринимательский сектор постепенно адаптируется.

---

¹ Оборот розничной торговли в 2022 году сократился на 6,7% в сопоставимых ценах, а денежные доходы населения на 1%. Росстат. Социально-экономическое положение России. https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm.

² Ключевая ставка Банка России в марте 2022 г. составляла 20%. Выше ставка была в начале 2000-х гг. https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/.

³ Например, см. подборку на РБК. <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/63cfbb399a7947deef3400d8>.

⁴ <https://sovcombank.ru/blog/umnii-potrebitel/polnii-spisok-kompanii-ushedshih-iz-rossii-nasegodnya--obnovlyaemii-spisok-2022>.

⁵ Понятие «недружественные страны» закреплено Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-п. <http://government.ru/docs/44745/>.

⁶ Например, ВВП сократился по итогам 2022 года на 2,1%, по предварительным данным, что ниже значений во время коронакризиса (2,7%). См. данные Росстата. <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/198546>. Негативные последствия снижены высокой стоимостью экспортных товаров России на мировых рынках и мерами властей разных уровней: разрешением параллельного импорта, поддержкой занятости на предприятиях, сменивших собственников, в том числе временные работы, льготное кредитование и т. д. Потенциальное снижение занятости компенсировалось оттоком части безработных мужчин на военную службу. На высокотехнологичных рынках труда (например, в IT) снижение числа вакансий компенсировалось отъездом потенциальных работников за рубеж, в том числе в рамках программ релокации.

Впрочем, тенденции в деловом секторе противоречивы, сохраняются многочисленные угрозы⁷. Так, санкционное давление на ряд стран в прошлом, например на Иран [Kelishomi, Nisticò, 2022], приводило к усилению автаркии (снижению числа внешнеэкономических связей), национализации отдельных компаний и плановой мобилизации ресурсов. В свою очередь, это подталкивало к росту роли государства в экономике и сокращению предпринимательской инициативы.

Малые и средние предприятия могут играть значительную роль в снижении санкционного давления и импортозамещении благодаря большей гибкости и адаптивности [Баринаова и др., 2023]. Кроме того, они менее интересны для внешних регуляторов в силу своего масштаба. В текущей ситуации в России сохраняется крупный потребительский рынок, обеспечиваемый во многом субъектами МСП, в частности за счет параллельного импорта⁸. Предприниматели способны найти и освоить новые направления хозяйственной деятельности, в том числе в рамках рыночных ниш, освобождаемых после ухода иностранных компаний.

При этом, поскольку крупные предприятия и бюджетный сектор могут обладать определенной степенью инерции, именно на малом бизнесе внешние шоки сказываются в первую очередь. Поэтому при выработке решений и политических рекомендаций для России важно понимать оперативную динамику, риски и возможности для сектора малого и среднего предпринимательства

Цель исследования — описать некоторые риски и возможности предпринимательского сектора в регионах России, возникшие в связи с внешними шоками 2022 года, с помощью обзора научных публикаций, анализа тенденций и выявления факторов деловой активности.

1. Обзор научной литературы о деловой активности в условиях внешних шоков

Санкционные механизмы существуют многие столетия и даже тысячелетия [Кнобель и др., 2019a], но сегодня Россия оказалась под беспрецедентным давлением. Подробный обзор международных торгово-политических санкций выявил отсутствие согласия в оценках их эффективности с точки зрения первоначальных це-

⁷ К новым угрозам следует отнести усиление санкционного давления, в том числе сокращение доходов бюджета от экспорта сырья после введения потолка цен на энергоресурсы.

⁸ Многие малые предприятия осуществляют параллельный импорт товаров, ввоз которых напрямую в Россию запрещен правообладателями. Параллельный импорт стал возможным после подписания Федерального закона от 28.06.2022 № 213-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”», а ранее согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 29.03.2022 № 506.

лей [Кнобель и др., 2019b]⁹. Так или иначе, санкции ограничивали экономическую активность в странах, против которых вводились. Эти страны в среднем теряли 2,5 п.п. от потенциальных темпов роста ВВП, а при введении торгового эмбарго — около 6 п.п. [Neuenkirch, Neumeier, 2015] из-за ограничений возможностей внешней торговли, сокращения объемов доступных предприятиям рынков товаров, финансов и технологий.

Важно учитывать, что санкционное давление имеет как краткосрочные, так и долгосрочные последствия [Ситкевич, Стародубровская, 2022]. Резкий обрыв торговых связей и доступа к зарубежному финансированию довольно быстро ведет к росту инфляции, недоступности кредитных средств для бизнеса и населения, в результате могут падать доходы, покупательная способность и качество жизни граждан. Быстро сокращается объем прямых иностранных инвестиций, зарубежные компании покидают рынок [Кузнецова, 2016]. Всё это негативно сказывается на деловой активности. В среднесрочном периоде экономика страны способна адаптироваться за счет различного рода государственных мер и быстрой реакции бизнеса, в частности за счет налаживания связей с новыми торговыми партнерами. Однако в долгосрочной перспективе возможно накопление технологических проблем из-за ограничений доступа к технологиям, ухода иностранных компаний, снижения уровня конкуренции и производительности труда [Ситкевич, Стародубровская, 2022]. Многие компании наукоемких отраслей (информационные технологии, консалтинг, финансы и т. д.) проводят релокацию своих сотрудников в офисы других стран. Таким образом, в России усугубляется нехватка высококвалифицированных кадров. Это может вести к рискам сокращения творческого класса, вымыванию наиболее образованных, социально активных специалистов [Гимпельсон, 2022], способных потенциально стать инновационными предпринимателями и открыть технологические стартапы.

Уход иностранных компаний и инвесторов может обострять негативные тенденции¹⁰. Иностранный бизнес играет важную

---

⁹ См. также: Тимофеев И. Н., Морозов В. А., Тимофеева Ю. С. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: НП РСМД, 2020.

¹⁰ Нынешнюю ситуацию нельзя назвать уникальной для России, так как некоторые исторические параллели можно провести с периодом раннего СССР в начале 1920-х годов, когда были введены санкции со стороны стран Антанты, а иностранные предприятия были национализированы [Давыдов и др., 2013; Муравьева, 2002]. Но последовавший после Гражданской войны кризис потребовал проведения Новой экономической политики (нэп) [Мау, 1994], разрешавшей открытие торговых заведений, устанавливавшей упрощенный порядок регистрации для малых производств. Разрешалось развитие концессий с иностранным участием [Юзвович, 2012]. Нэп сыграл значительную роль в восстановлении народного хозяйства и в насыщении потребительских рынков [Zhuravskaya et al., 2021]. Схожую политику могло бы проводить российское правительство в новых условиях (Нэп 2.0), хотя возможности такого сценария ограничены [Смординская, Катукон, 2022].

роль в функционировании экономики абсолютного большинства стран и регионов, которые интегрированы в глобальные производственные цепочки. Зарубежные компании удовлетворяют часть внутреннего спроса на товары и услуги, осуществляют крупные капиталовложения (прямые иностранные инвестиции), создают рабочие места [Bedi, Cielek, 2002], участвуют в трансфере технологий и нововведений [Girma et al., 2009; Oisano, Koine, 2016; Saggi, 2002], формируют вокруг себя пул местных малых и средних предприятий — поставщиков товаров и услуг [Tülüce, Doğa, 2014]. При этом иностранные инвестиции обычно неравномерно распределяются по территории стран [Singh et al., 2012; Van der Lugt et al., 2011]. Поскольку зарубежные компании в меньшей степени знакомы со спецификой ведения деятельности в стране своей локализации [Кузнецова, 2016], они стремятся размещаться в регионах с преференциальными условиями: особых экономических зонах, свободных портах и и т. д. Так, в России на территории Калининградской области, граничащей с Европейским союзом, долгое время поддерживался особый режим предпринимательской деятельности, позволивший привлечь многочисленные европейские предприятия в обрабатывающую промышленность, в том числе в автомобилестроение, производство бытовой техники. В особых экономических зонах и индустриальных парках Калужской, Ленинградской областей, Татарстана размещались многочисленные автомобилестроительные заводы крупных автоконцернов (*Ford*, *General Motors*, *Toyota*, *Volkswagen* и т. д.) [Оборин, 2022]. Нарушение глобальных производственных цепочек и снижение уровня доходов местного населения может вести к сокращению деловой активности в регионах, откуда уходят иностранные инвесторы.

Анализ опыта контрсанкционной политики [Кнобель и др., 2019а] показывает, что более эффективным ответом на санкции является не введение симметричных ограничительных мер, а, наоборот, проведение более открытой и проактивной политики по расширению торговых и иных деловых связей. Пример таких действий дает Китай, против которого в 1989 году страны Большой семерки (G7) приняли пакет экономических санкций, включая отказ от инвестиционных проектов, прекращение торговых взаимодействий и закрытие доступа к высоким технологиям. В ответ в Китае были проведены экономические реформы, способствующие развитию предпринимательства и привлечению инвестиций и технологий из иных стран, в том числе из России. В результате в 1989–1994 годах приток прямых иностранных инвестиций вырос с 3 до 33 млрд долл. [Кнобель и др., 2019б]. Китайские прибрежные свободные экономические зоны (СЭЗ) среди преференциальных режимов мира считаются самыми успешными по привлечению

и иностранных компаний и формированию прилегающих поясов малого и среднего обслуживающего бизнеса¹¹. В экспериментальном режиме благоприятные условия для инвесторов и предпринимателей были созданы в приграничном с Гонконгом городе Шэньчжэнь, что позволило многим провинциям постепенно перенять лучшие практики. В приграничных с Россией городах также быстро росла экономическая активность. Например, в городе Хэйхэ¹² (соседе Благовещенска) население уже превысило 1 млн чел. Таким образом, в Китае росла деловая активность в прибрежных и приграничных регионах для торговли с дружественными и нейтральными странами. Кроме того, китайское правительство разработало программу заимствования и разработки собственных технологий, стимулируя создание высокотехнологичных компаний, в том числе в рамках университетских проектов [Fan, Watanabe, 2006; Xiwei, Xiangdong, 2007]. Результатом такой политики стало появление крупных технологических корпораций: *Alibaba Group*, *Foxconn*, *Huawei*, *Tencent*, *Xiaomi*, *Lenovo*, *Geely* и др.¹³

Опыт Ирана был менее позитивным из-за меньших размеров внутреннего рынка, возможного недостатка институциональных реформ и больших проблем в приграничных странах. Тем не менее в условиях санкций малый и средний бизнес взял на себя определенную роль в обеспечении внутреннего спроса и снижении зависимости экономики страны от экспорта углеводородного сырья [Behjati, 2017; Cheratian et al., 2022]. Однако с точки зрения количественных показателей деятельности (таких как число зарегистрированных фирм, доля сектора в структуре ВВП и занятости) деловая активность в Иране долгое время страдала из-за разрыва производственных цепочек, внешнеторговых ограничений, снижения покупательной способности населения [Ahadi, Karsaie, 2020]. Ирану удалось переориентировать экспортные потоки от развитых стран в сторону Юго-Восточной Азии, но общий объем экспорта сократился [Dizaji, 2018]. Ограничения импорта в Иране привели к закрытию части предприятий, поставлявших продукцию на внутренний рынок из-за рубежа [Kelishomi, Nisticò, 2022], что снизило экономическую активность в приморских регионах и столице, более интегрированных в глобальные торговые потоки. Новые условия вынудили часть предпринимателей уйти в тень

---

¹¹ В первые пять лет существования в СЭЗ было привлечено 20% всех прямых иностранных инвестиций в Китай [Yitao, 2016]. С момента создания СЭЗ 40 лет назад Шэньчжэнь превратился из небольшого отсталого приграничного города в международный мегаполис. Объем импорта и экспорта Шэньчжэня превысил 430 млрд долл., что составляет около 10% общего объема внешней торговли Китая [Kawase, 2020].

¹² С 2004 года гражданам России был открыт безвизовый доступ в созданную в городе зону свободной российско-китайской торговли.

¹³ Многие из этих компаний в 2022 году стали активно заходить на российский рынок.

для обхода санкций и снижения расходов на налоги, росла доля неформального сектора экономики [Early, Peksen, 2019]¹⁴. Поддержка предпринимательской инициативы в этом случае была, по-видимому, недостаточной [Cheratian et al., 2022]. Экономическая активность вблизи недружественных Ирану стран, в частности на границе с Ираком, Пакистаном и Афганистаном, сдерживалась из-за ограничений торговых связей и различного рода военных конфликтов¹⁵ [Khosravi et al., 2007].

В условиях сокращения объемов ВВП и доходов населения¹⁶, растущего санкционного давления сохраняются угрозы спада деловой активности в России. Как показывает опыт предыдущих кризисов, негативное влияние внешних шоков существенно различается в разных регионах. Хотя сами санкции в большинстве случаев не имеют региональной направленности [Тимофеев и др., 2020], может наблюдаться их неравномерное воздействие на деловой сектор разных регионов [Хмелева, 2019].

Во-первых, в условиях внешнеторговых ограничений сильнее страдает бизнес регионов, в том числе приграничных, наиболее вовлеченных в торговлю со странами, вводящими ограничения. Так, в [Зубаревич, 2022] справедливо выделяются в России потенциально наиболее подверженные внешним шокам 2022 года экономики: регионы со специализацией на экспорте сырья; Москва и Санкт-Петербург — два мировых города, интегрированных в глобальные финансовые и торговые потоки; приморские регионы на основных торгово-логистических маршрутах; регионы с крупными современными машиностроительными предприятиями, встроенными в глобальные цепочки поставок. Несмотря на высокую долю малых предприятий, ориентированных на внутренний рынок, в России доступность зарубежных рынков — один из долгосрочных факторов развития МСП [Zemtsov et al., 2022c]. В период пандемии коронавируса и связанных с ней ограничений в Китае близость к зарубежным рынкам стала фактором снижения числа субъектов МСП [Земцов, Михайлов, 2021]. Более строгие карантинные меры в соседних регионах также ограничи-

---

¹⁴ Некоторое снижение санкционного давления в последние годы привело к росту добровольного предпринимательства, ориентированного на внешние рынки, а также доли желающих открыть бизнес [Kalhor et al., 2019].

¹⁵ Влияние территориальных конфликтов на деловую активность часто распространяется за пределы очагов конфликта, в том числе на соседние регионы и страны, так как бизнес соседних регионов обычно сильно взаимосвязан, в нем растут инвестиционные риски [Bruck et al., 2012; Murdoch, Sandler, 2004].

¹⁶ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. М.: Минэкономразвития России, 2022. https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html.

ли доступ предпринимателей к рынкам и оказали схожее негативное влияние [Zemtsov et al., 2022a].

Во-вторых, в диверсифицированных регионах с благоприятным деловым климатом, где налажено устойчивое и разнообразное взаимодействие между компаниями разных категорий и отраслей, выше адаптивность экономики. Иными словами, более развитая предпринимательская среда и благоприятный деловой климат позволяют экономике регионов легче преодолевать кризисы [Барина и др., 2023; Acs et al., 2017; Cavallo et al., 2019]. Так, в период коронакризиса сокращение числа малых и средних предприятий было менее заметным в регионах, где ранее власти улучшали деловой климат [Zemtsov et al., 2022a].

В-третьих, в крупнейших агломерациях выше покупательная способность населения и разнообразие потребностей, что обуславливает сохранение большего числа рыночных ниш для МСП, поэтому спад деловой активности может быть ниже [Zemtsov et al., 2022a].

В-четвертых, распространение интернет-рынков способствовало развитию малых предприятий до кризиса, а в период коронакризиса стало фактором адаптации к противоковидным мерам [Zemtsov et al., 2022a; Zemtsov et al., 2022c]. Многие предприниматели стали оказывать различные услуги онлайн, в том числе предлагая дистанционную оплату и почтовую доставку товаров. Соответственно, деловая активность в период пандемии была выше в регионах, где проникновение интернета было шире.

В-пятых, деятельность властей может снижать влияние кризиса на деловую активность за счет различных мер поддержки [Zemtsov et al., 2022a]. В целом нельзя недооценивать роль политических решений.

На наш взгляд, влияние внешних шоков на деловую активность на разных территориях в литературе недостаточно исследовано. Описанные внешние шоки могут как ограничивать развитие новых предприятий в одних регионах, так и создавать условия для их появления и развития в других, в том числе в зависимости от политики властей. Актуальны оценки подобных эффектов для принятия управленческих решений.

2. Методика исследования и описание данных

Нас интересовало, каким образом санкционное давление, уход иностранных компаний и другие шоки 2022 года влияют на деловую активность в регионах России. В настоящем исследовании мы проверяли несколько гипотез, основанных на обзоре литературы.

1. Невозможность экспорта и импорта стала проблемой для ряда действующих предприятий¹⁷, а новые проекты были заморожены. Происходила переориентация бизнеса на другие рынки и источники поставок. В частности, крупные компании переключались на работу с малыми и средними отечественными предприятиями. В этих условиях внешние шоки могли негативнее отразиться на деловой активности в регионах, где связи со странами, вводившими санкции, были интенсивнее; одновременно они могли стимулировать развитие бизнеса в менее зависимых от внешних рынков регионах.

2. Уход иностранных компаний или ограничение их деятельности в ряде регионов могли создать рыночные ниши для отечественных малых и средних компаний, и соответственно, способствовать росту деловой активности. В то же время негативные эффекты связаны с разрывом производственных цепочек и ограничением возможностей сбыта, поэтому не ясно, что оказало более сильное воздействие — положительные факторы или отрицательные.

3. Развитие маркет-плейсов и распространение интернет-экономики в регионе способствовали сохранению деловой активности благодаря тому, что параллельный импорт создал условия для продажи по новым каналам сбыта востребованных населением товаров зарубежных марок (в том числе ушедших из России). Можно ожидать положительного эффекта в тех регионах, где онлайн-сектор был более развит.

4. Благодаря разрешению параллельного импорта возникли условия для роста деловой активности, так как отдельные предприниматели и самозанятые стали более заинтересованы в легализации своей деятельности для осуществления внешнеторговых операций. Эти эффекты были сильнее в приграничных с нейтральными странами регионах из-за необходимости переориентации торговых потоков.

5. В регионах вблизи недружественных стран, включая приграничные с Украиной, могла снижаться деловая активность из-за повышения рисков деятельности, разрыва цепочек поставок, оттока предпринимателей. В то же время в таких регионах возможен рост самозанятости и различных форм вынужденного предпринимательства [Brück et al., 2013].

Для проверки названных гипотез нами рассчитано несколько переменных (табл. 1).

---

¹⁷ По нашей оценке на данных ФТС и СПАРК, среди всех компаний экспортеров 18,7% поставляли свою продукцию в страны, признанные недружественными, а среди импортеров партнерами этих стран были около 6,3%.

Т а б л и ц а 1

T a b l e 1

Описание исследуемых переменных

Description of the Variables Under Examination

Гипотезы	Фактор	Переменная	Источник данных	Возможное направление влияния
		<i>Зависимая переменная</i>		
	Деловая активность	Отношение числа вновь созданных субъектов МСП в декабре 2022 года к значению декабря 2021 года (%)	Единый реестр субъектов МСП ФНС России. https://ofd.nalog.ru/	
		<i>Переменные интереса</i>		
Оценка влияния торговых санкций и разрыва связей	Вовлеченность бизнеса региона во внешнеэкономическую деятельность с недружественными странами	Доля недружественных стран в импорте в среднем за 2019–2021 годы (%)	ИНИД. https://data-in.ru/	-
		Доля недружественных стран в экспорте в среднем за 2019–2021 годы (%)	ИНИД. https://data-in.ru/	-
Оценка влияния ухода инвесторов и освождения рыночных ниш	Участие иностранных инвесторов из недружественных стран в экономике региона	Доля иностранных компаний из недружественных стран в совокупном объеме выручки по регионам в 2020 году (%)	СПАРК-Интерфакс. https://spark-interfax.ru/	+/-
Оценка влияния распространения маркет-плейсов и параллельного импорта	Распространение интернет-рынков и цифровых технологий	Доля населения, использовавшего интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения в 2021 году (%)	Росстат. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt20/index.html	+
		Доля организаций, использующих интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), в общем числе организаций в 2020 году (%)	ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/43530	+
		Сумма долей населения, использовавшего интернет для заказа товаров и/или услуг, и организаций, использующих интернет для размещения заказов (%)	Росстат	+
		Доля продаж через интернет в общем объеме оборота розничной торговли в 2021 году (%)	ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/50236	+

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 1

Гипотезы	Фактор	Переменная	Источник данных	Возможное направление влияния
Оценка влияния расширения возможностей для легального бизнеса в приграничных регионах из-за перераспределения потоков и разрешения параллельного импорта	Бинарная переменная для приграничных с нейтральными странами регионов	Республики Северо-Кавказского федерального округа, граничащие с Грузией и Азербайджаном Регионы Дальнего Востока, граничащие с Китаем	Роскартография. https://roscartography.ru Роскартография. https://roscartography.ru	+ +
Оценка негативного влияния разрыва связей с недружественными странами и роста рисков	Бинарная переменная для приграничных с недружественными странами регионов	Регионы России, граничащие со странами Европейского союза Регионы России вблизи Украины, в том числе приграничные, в которых введен средний уровень реагирования	Роскартография. https://roscartography.ru Указ «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756»	- -
Контрольные переменные				
Проверка влияния низкой базы	Объем сектора МСП в регионе	Число субъектов МСП на июль 2022 года (ед.)	Единый реестр субъектов МСП ФНС России. https://ofd.nalog.ru/	-
Оценка влияния расширения/сужения внутреннего рынка	Доходы населения	Ежемесячные денежные доходы населения, по данным на III квартал 2022 года (руб.)	Росстат. https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259	+
	Динамика реальных доходов населения	Рост реальных доходов населения, по данным на III квартал 2022 года (%)	Росстат. https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259	+
Оценка возможностей для расширения выужденного предпринимательства	Число высвобождаемых рабочих мест	Уровень безработицы, по данным на III квартал 2022 года (%)	Росстат. https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259	+
Оценка влияния делового климата	Бинарная переменная для регионов с более благоприятным деловым климатом	Топ-20 регионов России с наиболее благоприятным инвестиционным климатом в 2022 году	АСИ. https://asi.ru/government_officials/rating/	+
	Доля неформального сектора	Доля неформальной занятости в 2020 году (%)	Росстат. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211	-

В работе как зависимая переменная и индикатор деловой активности в регионе используется *рост числа вновь созданных субъектов МСП* по данным ФНС РФ. На наш взгляд, это один из наиболее оперативных показателей деловой активности на региональном уровне. Мы исходим из того, что динамика стартап-активности зависит от того, насколько условия в регионе в 2022 году располагали к реализации новых проектов и регистрации новых предприятий. Внешние шоки прежде всего сокращают возможности осуществления предпринимательских инициатив на ранних стадиях, в то время как действующие компании более устойчивы. Поэтому используемый нами показатель может отражать будущие изменения всей экономики. Нами использованы данные на декабрь 2022 года¹⁸.

Для проверки первой гипотезы использованы данные Федеральной таможенной службы России по доле стран, признанных недружественными, в экспорте и импорте по регионам России в среднем за 2019–2021 годы. Осреднение по годам позволяет сгладить волатильность показателя. Для проверки второй гипотезы о потенциальном негативном влиянии ухода с российского рынка компаний из недружественных стран использованы данные системы СПАРК-Интерфакс. В результате подготовлен список из 22 906 компаний, на 50% и более принадлежавших юридическим и/или физическим лицам из стран, которые ввели санкции против России в 2022 году¹⁹. Суммарная выручка рассматриваемых компаний использовалась для оценки объема потенциального рынка, занимаемого ими в России. Соответственно, при их уходе могут освобождаться рыночные ниши²⁰. Для проверки гипотезы о влиянии интернет-торговли после разрешения параллельного

---

¹⁸ Декабрьские данные по приросту числа субъектов МСП могут содержать большое число ошибок, так как Единый реестр субъектов МСП (источник данных) чистится от прекративших деятельность организаций только один раз в год — в июле [Барина и др., 2023]. Но в динамике числа субъектов МСП на июль еще не проявилось влияние внешних шоков, особенно с учетом моратория на банкротства организаций. Занятость в секторе МСП также не подходит в качестве зависимой переменной, так как искажена влиянием регистрируемой самозанятости.

¹⁹ Австралия, Албания, Андорра, Великобритания, страны — члены Евросоюза, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Сан-Марино, Северная Македония, Сингапур, США, Тайвань (Китай), Украина, Черногория, Швейцария, Япония.

²⁰ Наша методика содержит ряд ограничений: данные доступны за 2020 год, который отличался снижением экономической активности [Кудрин и др., 2022]; за это время могла измениться структура собственности, выручка; учитывались все компании, аффилированные с лицами или организациями из недружественных стран; при этом важно, что на Кипре и в меньшей степени в Нидерландах и Великобритании часто регистрируются компании, имеющие российских бенефициаров [Кузнецова, 2015]; место регистрации компании может не совпадать с регионом реальной деятельности, особенно высоки искажения для Москвы, где стремятся размещаться головные офисы фирм. Для некоторого снижения указанных ограничений приведены данные без учета компаний, зарегистрированных на Кипре. Большинство этих компаний принадлежит конечным российским бенефициарам, соответственно, они не могли покинуть российский рынок. Крупнейшие из этих компаний: ПАО «НЛМК», ПАО «ММК», ООО «БКЕ», АО «Рольф» и др.

импорта применялись различные индикаторы распространения цифровых технологий в регионах России [Zemtsov et al., 2022b]. Для проверки четвертой гипотезы о влиянии переориентации потоков после разрешения параллельного импорта в модели проверялась значимость наличия границы с Грузией, Азербайджаном и Китаем, а для подтверждения последней гипотезы в модель включались бинарные переменные наличия границы с недружественными странами.

Для контроля результатов на различия между регионами использовался ряд переменных, применяемых в схожих работах (см. обзор [Баринаова и др., 2023]). В частности, мы контролировали влияние низкой базы (или конвергенцию), то есть более быстрый рост в регионах, где число предприятий и деловая активность изначально были ниже. Важно было проконтролировать изменение потребительского спроса (доходы населения), определяющего объемы внутреннего рынка для предпринимателей, и высвобождение рабочих мест в регионе (безработица), потенциально влияющее на число вынужденных предпринимателей. Кроме того, необходимо было учесть различия в деловом климате, игравшие важную роль в сохранении предприятий в период пандемии [Земцов, Михайлов, 2021]; для этого использованы оценки инвестиционной привлекательности регионов Агентства стратегических инициатив и доля неформальной занятости.

Для оценки моделей был использован метод наименьших квадратов с поправкой на гетероскедастичность из-за высоких различий между регионами. Все переменные, кроме бинарных, были логарифмированы. Чтобы избежать проблемы мультиколлинеарности, использовались модели с переменными, которые не коррелируют или слабо коррелируют между собой.

3. Тенденции и факторы деловой активности в регионах России в 2022 году

Деловая активность во многих регионах России сокращались на протяжении 2019–2021 годов (рис. 1), в том числе в результате ограничений, вызванных пандемией коронавирусной инфекции [Баринаова и др., 2023; Кудрин и др., 2022]. Она начала восстанавливаться к 2022 году, но внешние шоки могли остановить эти процессы. По состоянию на июль 2022 года число субъектов МСП выросло в сравнении с годом ранее, но было на 1,5% ниже значения допандемийного 2019 года. Занятость в сфере МСП росла исключительно за счет самозанятых²¹, а вот без их учета значение

---

²¹ Численность самозанятых (без ИП) выросла на треть — с 3,64 до 6,22 млн чел. за 2022 год.

оказалось ниже уровня 2019 года. Однако если взять значения на конец года²², то допандемийный уровень упомянутых показателей превышен. Это может быть обусловлено постпандемийным восстановлением и адаптацией предпринимательского сектора к санкциям. На наш взгляд, опыт пандемии, когда происходил разрыв логистических связей, подготовил предпринимательский сектор к внешним шокам 2022 года, в частности были накоплены определенные запасы товаров, хотя возможности МСП здесь скромнее, чем у крупных предприятий. Был наработан опыт прошлых санкционных ограничений, в том числе появились компетенции по поставкам подсанкционных товаров в Россию. Кроме того, в марте 2022 года был введен полугодовой мораторий на банкротства, что статистически снизило число ликвидируемых предприятий.

Есть свидетельства, что в 2022 году деловая активность населения росла. По данным ВЦИОМ²³, в 2022 году около 10% опрошенных россиян владеют своим делом, что выше, чем в 2016 и 1992 годах (около 3%). Но значительная часть из них — самозанятые²⁴. Доля желающих открыть свое дело снизилась с 33 до 23% с 2016 году. Среди тех, кто не планирует открывать бизнес, выросла доля тех, кто считает, что государство может ликвидировать частный бизнес. Кризисные явления стимулировали вынужденное предпринимательство, когда ограничены альтернативы занятости и получения дохода. Доля сектора МСП в занятости в России (вместе с самозанятыми) достигла 34,8%, в 2021 году она была около 30%. В составе доходов населения мы видим рост доли доходов от предпринимательства²⁵ на 0,7 п.п. — до 6,2% на фоне восстановления сектора услуг и распространения самозанятости.

Число вновь созданных субъектов МСП в конце 2022 года оказалось меньше²⁶, чем в 2021-м, хотя мы ожидали роста и за-

---

²² Единый реестр МСП в полной мере чистится от недействующих организаций в июле (до 2021 года — в августе), поэтому именно эти данные при годовом сравнении следует считать наиболее корректными [Барина и др., 2023], к концу же года в данных накапливаются ошибки. Таким образом, более реальную статистику мы увидим в июле 2022 года.

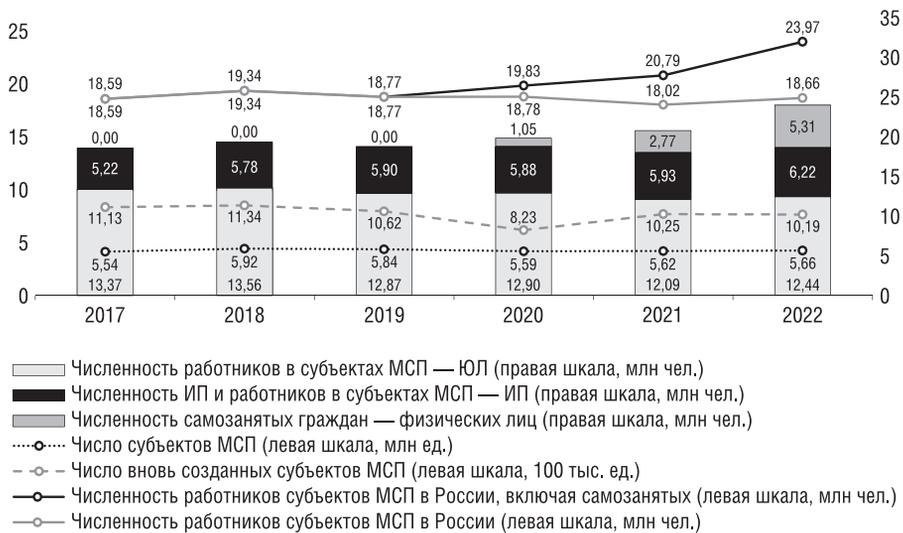
²³ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022>.

²⁴ Для поддержки занятости внедрен социальный контракт, позволяющий безработным повысить квалификацию для открытия бизнеса. Всего такой госпомощью в прошлом году воспользовались 867,7 тыс. граждан, заключены 276,3 тыс. социальных контрактов. Среди заключивших соцконтракт открыли свое дело более 90 тыс. граждан. Правда, здесь сложно выявить взаимосвязь с мерой поддержки, а сама программа требует оценки эффективности.

²⁵ Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления. Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_13kv-nm_xlsx.

²⁶ Сокращение числа новых субъектов МСП могло быть частично связано с сокращением числа потенциальных предпринимателей в результате частичной мобилизации, проводимой согласно Указу Президента Российской Федерации от 21.09.2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001>.

полнения пустующих рыночных ниш. По результатам опросов, основными препятствиями и барьерами для малых и средних предприятий являются высокие налоги (56,6% респондентов), высокие тарифы естественных монополий (49,5%), отсутствие доступных кредитов (42,7%). С введением санкций и обострением экономико-политической ситуации важную роль стала играть также невозможность долгосрочного планирования и инвестирования (51%)²⁷.

Источник: Единый реестр субъектов МСП ФНС РФ. <https://ofd.nalog.ru/>

Рис. 1. Динамика основных характеристик сектора МСП в России, по данным на август 2017–2020 годов и июль 2021–2022 годов

Fig.1. Changes in the Main Characteristics of SMEs in Russia From August 2017–2020 and From July 2021–2022

Впрочем, условия и динамика деловой активности существенно различаются между регионами (рис. 2). Так, заметно выше динамика создания новых предприятий в регионах с крупнейшими агломерациями, обладающими крупными и разнообразными рынками товаров, услуг, с лучшим доступом к капиталу, где была высока доля ушедших с рынка компаний: в Москве, Татарстане, Пермском крае, Ульяновской, Ленинградской, Московской областях. Выше динамика также в приграничных с нейтральными странами регионах: Ингушетии, Тыве, Северной Осетии, Забайкальском крае, Курганской и Оренбургской областях, а ниже динамика в регионах вблизи недружественных стран: в Брянской, Курс-

²⁷ Результаты мониторинга «Оценка бизнесом текущего положения компаний и влияния санкций». <https://ombudsmanbiz22.ru/news/1312>.

кой, Воронежской, Калининградской областях, Крыму. Деловая активность низка в некоторых регионах, которые были активно вовлечены в торговлю с недружественными странами: в Курской, Орловской, Калужской, Вологодской, Липецкой, Архангельской областях, Санкт-Петербурге, Ненецком АО. В Вологодской и Липецкой областях пострадал основной крупный металлургический бизнес, против владельцев которого введены персональные санкции. В Архангельской и Вологодской областях дополнительный негативный эффект могли оказать ограничения на экспорт леса в европейские страны²⁸.

< 90
  90–100
  > 100
  Нет данных
 Регионы России, в том числе приграничные, в которых введен средний уровень реагирования
 Республики Северо-Кавказского федерального округа

Примечание. По новым территориям данные отсутствуют.

Источник: Единый реестр субъектов МСП ФНС РФ. <https://ofd.nalog.ru/>.

Рис. 2. Отношение числа вновь созданных субъектов МСП в 2022 году к значению 2021 года (%)

Fig. 2. Ratio of Newly Created SMEs in 2022 to Those Created in 2021 (%)

Результаты расчетов в целом подтверждают сформулированные ранее гипотезы (табл. 2).

Первую гипотезу — о негативном влиянии торговых санкций на регионы, широко вовлеченные в мировую торговлю с западными странами, — можно считать подтвержденной. В ряде регионов на недружественные страны приходилось более 90% экспорта (Ненецкий АО, Костромская и Мурманская область) и более 80%

²⁸ Запрет на импорт лесной продукции из России Евросоюз ввел 8 апреля. <https://www.kommersant.ru/doc/5306939>.

Т а б л и ц а 2

Результаты оценки факторов деловой активности, 2022 год

Table 2

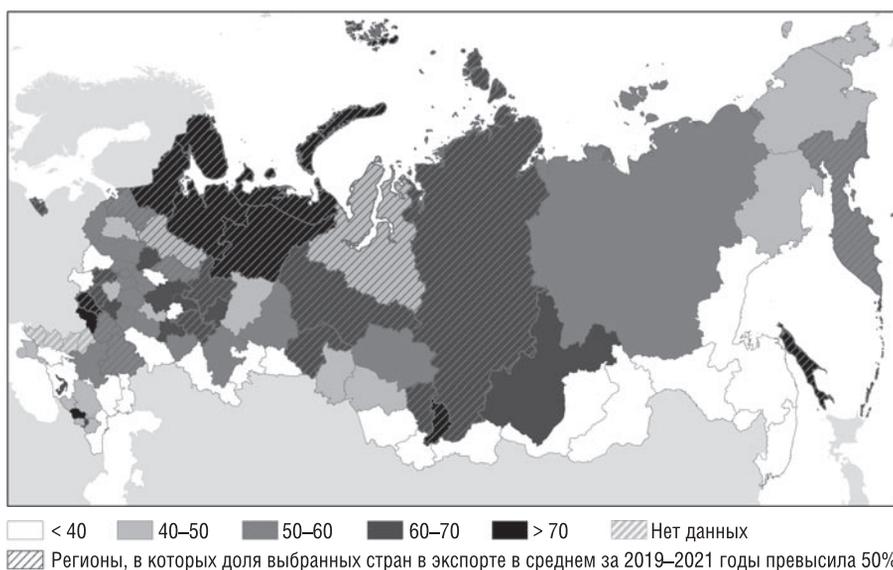
Evaluations of 2022 Business Activity Factors

Зависимая переменная — отношение числа вновь созданных субъектов МСП в декабре 2022 года к значению декабря 2021 года (%). МНК с поправкой на гетероскедастичность. Все переменные логарифмированы, кроме бинарных. Показаны модели с разным набором значимых переменных интереса; первая и четвертая модели — без учета контрольных переменных для проверки робастности результатов					
Объясняющие переменные	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Доля недружественных стран в импорте (%)	-0,03* (0,01)	-0,03** (0,01)	-0,02* (0,01)		
Доля недружественных стран в экспорте (%)				-0,03*** (0,006)	-0,04*** (0,006)
Доля иностранных компаний из недружественных стран в выручке (%)			0,007* (0,004)		
Доля населения и организаций, использовавших интернет для заказа и размещения заказов соответственно (%)	0,11** (0,05)	0,11** (0,04)	0,1** (0,05)	0,12*** (0,04)	0,14*** (0,04)
Республики Северо-Кавказского федерального округа, граничащие с Грузией (бинарная переменная)	0,15*** (0,06)	0,12*** (0,05)	0,16*** (0,05)	0,12*** (0,03)	0,13*** (0,03)
Регионы России вблизи Украины, в том числе приграничные, в которых введен средний уровень реагирования (бинарная переменная)	-0,08*** (0,018)	-0,07*** (0,02)	-0,08*** (0,02)	-0,08*** (0,02)	-0,09*** (0,013)
<i>Контрольные переменные</i>					
Число субъектов МСП	0,01658* (0,008699)	0,02** (0,008)	0,01637* (0,008443)	0,02** (0,008)	0,02*** (0,008)
Рост реальных доходов населения (%)		0,42 (0,23)	0,3683 (0,2708)		0,17 (0,24)
Уровень безработицы (%)		0,016 (0,02)	0,01468 (0,02397)		-0,005 (0,02)
Вхождение в топ-20 регионов России с наиболее благоприятным инвестиционным климатом (бинарная переменная)		-0,001 (0,002)	-0,001002 (0,001569)		-0,005*** (0,0015)
Константа	-0,5112** (0,2116)	-2,4 (1,2)	-2,175* (1,220)	-0,55*** (0,16)	-1,29 (1,07)
<i>n</i>	85	85	85	85	85
Испр. <i>R</i> ²	0,3460	0,31	0,3055	0,54	0,83
Критерий Шварца	402,7	411,5	404,3	384	390

Примечания: 1. Представлены модели, содержащие только значимые переменные интереса. 2. В ячейках таблицы указаны коэффициенты при переменных, в скобках указаны стандартные ошибки: * — является значимым на 10-процентном уровне, ** — является значимым на 5-процентном уровне, *** — является значимым на 1-процентном уровне

импорта (Ненецкий АО, Архангельская и Мурманская области, Карелия) (рис. 3). Выше доля в сырьевых центрах по добыче и экспорту энергоресурсов (Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Татарстан, Коми, Кемеровская область), леса (Карелия, Архангельская, Вологодская области, Коми) и металлов (Курская, Мурманская области, Красноярский край). Эти же регионы активно закупали западное оборудование и потребительские товары.

Предприятия довольно быстро начали процесс переориентации потоков. Так, доля недружественных экономик в экспорте из России к концу 2022 года снизилась до 35%, тогда как еще в начале года занимала 58%²⁹. Ниже всего вовлеченность в торговлю с недружественными странами в южных регионах Дальнего Востока, ориентированных на рынки Китая, и на приграничных с Казахстаном территориях. Также обладали меньшей вовлеченностью некоторые центры оборонно-промышленного комплекса, удаленные от границ и ориентированные на внутренний рынок: Пермский край, Челябинская, Курганская, Омская, Новосибирская области.

Примечание. По новым территориям данные отсутствуют.

Источник: расчеты авторов по данным ФТС России.

Рис. 3. Доля недружественных стран в экспорте и импорте по регионам России в среднем за 2019–2021 годы (%)

Fig. 3. Average Share of Exports and Imports With Unfriendly Countries for 2019–2021 by Russian Regions (%)

²⁹ Подробнее на РБК. <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2023/63e2411a9a794730042580a5>.

Итак, если доля недружественных стран в экспорте и/или импорте предприятий региона до введения санкций была на 1% выше, то после их введения деловая активность МСП в этом регионе оказалась на 0,02–0,04% ниже. Введение санкций объективно ограничило возможности импорта и экспорта для бизнеса. Во-первых, были нарушены логистические связи и возможности отечественных компаний закупать комплектующие и готовые продукты из этих стран. Во-вторых, ограничен рынок сбыта продукции. Опросы предпринимателей³⁰ показывают, что почти 40% компаний используют иностранные товары и сервисы, отсутствие которых критически скажется на их бизнесе. Впрочем, для снижения указанных рисков правительство России реализовало ряд мер, эффективность которых пока сложно оценить³¹.

Вторая гипотеза — о положительном влиянии освобождающихся рыночных ниш — едва ли может считаться подтвержденной³². В иностранных компаниях из недружественных стран объем выручки составлял около 16 трлн руб., а их доля в общем обороте всех фирм в России — около 10%³³. Большая часть выручки иностранных компаний принадлежит тем, которые зарегистрированы в Германии, Нидерландах, Франции и Швейцарии. Чуть менее половины (49%) совокупного объема выручки рассматриваемых организаций концентрируется в Москве, еще 22% приходится на Московскую область, 9% — на Санкт-Петербург, 4% — на Калужскую и по 1% — на Ленинградскую, Нижегородскую области и Татарстан, в которых локализованы крупные автомобильные и иные производства. Около 52% выручки всех компаний выборки создается в оптовой и розничной торговле, еще 29% — в обрабатывающих производствах. По относительной доле рассматриваемых компаний в выручке среди отраслей лидируют прочие виды услуг (химчистки, салоны красоты и пр.) — 61% (табл. 3), на втором месте — деятельность гостиниц и заведений общественного пита-

³⁰ Результаты мониторинга «Оценка бизнесом текущего положения компаний и влияния санкций». <https://ombudsmanbiz22.ru/news/1312>.

³¹ Запущена программа льготного кредитования закупок приоритетной импортной продукции по ставке не более 30% от ключевой ставки ЦБ плюс 3 п.п. Программа распространялась на закупку импортных лекарств, продовольствия, транспортных средств, стройматериалов, станков и электроники согласно Постановлению Правительства РФ от 18.05.2022 № 895. Кроме того, применялись меры по переориентации рынков МСП на крупные отечественные компании. По данным пресс-релиза Корпорации МСП, у каждой пятой крупной компании сегодня в КПЭ фигурируют закупки у МСП. Поставщиками по закупкам госзаказчиков в 2020 году стали в среднем по России около 2% субъектов МСП, а в 2022 году — почти 3%. Самозанятые могут участвовать в закупках по 223-ФЗ на тех же условиях, что малый и средний бизнес. Число таких самозанятых выросло втрое за 2022 год.

³² Значимый положительный коэффициент при соответствующей переменной обнаружен лишь в одной из пяти результативных моделей, причем она имеет самый низкий R-квадрат (около 0,3) и только на 10-процентном уровне значимости.

³³ Выручка компаний может создаваться не только на российском рынке, полностью заменить продукцию и услуги иностранных компаний вряд ли возможно, да и общий объем рынка с их уходом сокращается. Поэтому объем освобождаемых ниш может служить лишь весьма приблизительной оценкой возможностей для местных производителей.

Т а б л и ц а 3

Доля компаний из недружественных стран в выручке по отраслям (%)

T a b l e 3

Revenue Share of Companies From Unfriendly Countries by Region (%)

Виды деятельности	Россия	Среднее по регионам	Доля МСП и ИП в общем обороте организаций и выручке ИП
Предоставление прочих видов услуг	60,73	2,75	72,7
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	25,43	3,97	66,8
Деятельность финансовая и страховая	20,66	26,31	—
Деятельность в области информации и связи	16,57	4,48	28,7
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	14,52	3,74	38,1
Обрабатывающие производства	10,27	6,56	16,1
Всего по видам экономической деятельности	9,65	4,45	30,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	9,25	5,35	69,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	7,74	5,53	35,8
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	7,65	6,17	60,6
Строительство	4,96	2,12	60,5
Образование	3,11	0,93	19,7
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2,25	2,56	48,7
Транспортировка и хранение	2,10	1,68	29,0
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2,05	4,04	20,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	1,80	1,07	3,7
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1,37	1,75	52,5
Добыча полезных ископаемых	1,01	6,14	2,0
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,35	0,56	37,8
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	0,02	0,00	9,2

Источник: расчеты авторов по данным СПАРК-Интерфакс.

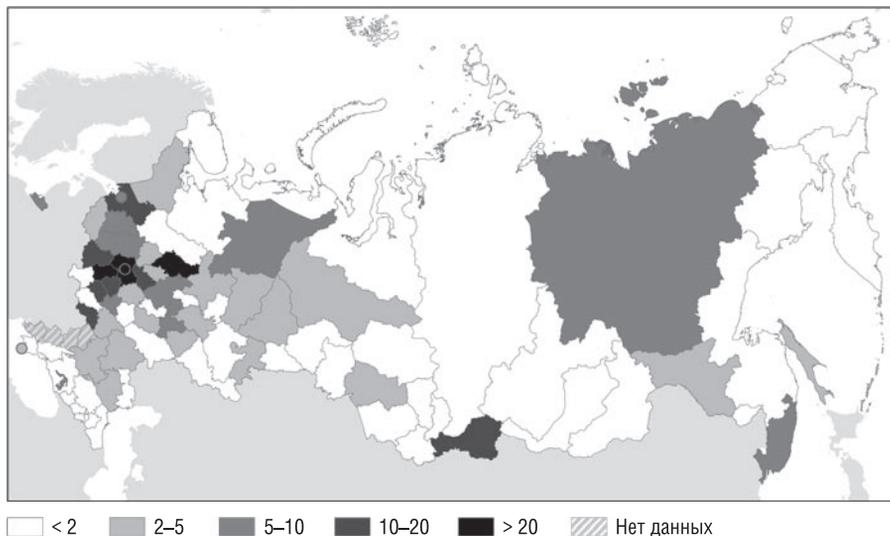
ния — 25%. В этих же отраслях высока роль сектора МСП, то есть при определенных условиях новые субъекты МСП могли занять освобождающиеся рыночные ниши³⁴. На третьем месте — финансовые организации (21%), затем — предприятия ИКТ (16,6%),

³⁴ Например, в Москве была объявлена специальная программа по созданию сетей быстрого питания. <https://www.mos.ru/news/item/104115073/>.

торговли (14,6) и обработки (10,3). В обрабатывающих производствах возможности замещения ниже из-за более высоких входных параметров (объем инвестиций, численность работников), что и отражает относительно низкая доля МСП. Именно в этих отраслях необходимы максимальные усилия по импортозамещению и поддержке отечественных компаний.

Регионы России отличаются высокой неоднородностью по доле выручки, создаваемой иностранными компаниями (рис. 4). Наиболее высокая доля показателя наблюдалась в ряде крупных индустриальных центров, где иностранный капитал входил в отрасль обрабатывающих производств (Москве, Московской, Ленинградской, Калужской, Владимирской, Белгородской областях, Коми), а также в регионах с выгодным приграничным положением (Калининградской, Ленинградской областях, Приморском крае). Представляется, что эти регионы столкнулись с наибольшими рисками в случае прекращения деятельности иностранных фирм, но в некоторых из них выше и возможности для МСП в сфере услуг, например в крупных агломерациях и вблизи них: в Москве, Московской и Нижегородской областях.

По нашим расчетам, если в регионе на 1% была выше доля компаний из недружественных стран в выручке всех организаций до начала санкций, то после их введения в этом регионе рост числа

Примечание. По новым территориям данные отсутствуют.

Источник: расчеты авторов по данным СПАРК-Интерфакс.

Рис. 4. Оценочная доля иностранных компаний из недружественных стран в совокупном объеме выручки по регионам, 2020 год (%)

Fig. 4. Estimated Share of Foreign Companies From Unfriendly Countries in Total Sales Volume by Region, 2020 (%)

вновь созданных субъектов МСП может быть выше на незначительные 0,007%. Такой слабозначимый результат проявился только при некоторых условиях. Если к контрольным переменным в модели прибавить лишь долю в выручке иностранных фирм, то зависимость не обнаруживается, но если учесть в регрессии одновременно и импорт из недружественных стран, то влияние исковой переменной становится положительным. То есть освобождение рыночных ниш положительно влияет в тех регионах, которые были слабо связаны с рынками западных стран, а сильнее — с отечественными. В регионах с высокой долей иностранных компаний в машиностроении (Липецкая, Калужская, Калининградская области) были сильны связи с недружественными странами из-за низкого уровня локализации производств, а наладить новые производства в быстрые сроки затруднительно, поэтому в этих регионах стартап-активность сокращалась. В то же время в Москве, Московской и Свердловской областях, в Татарстане и крупных агломерациях была высока доля иностранных компаний в отраслях сферы услуг, на этих рынках субъекты МСП могли относительно быстро заменить ушедших инвесторов.

Неоднозначные результаты также могут объясняться выбором переменной для оценки. К сожалению, у нас нет данных о конкретных компаниях, ушедших с рынка, а взятая переменная оценивает лишь возможные риски ухода³⁵. Многие малые и средние предприятия обслуживали и дополняли производственные цепочки ушедших с рынка иностранных компаний: быстро перестроить свои бизнес-процессы трудно в условиях закрытия ряда зарубежных рынков и нарушения логистических цепочек. При этом некоторые иностранные компании де-факто никуда не ушли, так как они лишь поменяли свою юрисдикцию, собственников³⁶. Выкуп и (или) национализация активов уходящих западных брендов не решает проблемы с нарушением цепочек поставок, однако создает определенные предпосылки для сохранения самих компаний и их более плотного взаимодействия с локальными предприятиями. На практике решения об уходе с российского рынка могут быть ситуатив-

---

³⁵ При этом часть иностранных компаний, заявивших о своем желании полностью либо частично уйти, была выкуплена российскими собственниками. Это позволило хотя бы отчасти сохранить производство и даже укрепить взаимосвязи в рамках локальных предпринимательских экосистем. Вместе с тем смена собственника и зачастую бренда (например, с McDonald's на «Вкусно — и точка») способна оказать негативное влияние на уровень производительности труда и объем добавленной стоимости, прежде всего из-за смены руководящих кадров.

³⁶ Федеральными и региональными органами власти разработаны меры по снижению рисков ухода иностранных инвесторов, включая различные модели передачи управления предприятиями российскому менеджменту или продажи российским собственникам. Предоставляется субсидия на переобучение специалистов из-за необходимости перенастройки процессов на производственных предприятиях; мерой воспользовались 257 преимущественно крупных компаний. Организована поддержка временных работ на предприятиях, которые приостановили деятельность: участвуют 12,5 тыс. предприятий и более 126 тыс. работников.

ными. Определенную роль в проявлении выявленной зависимости играют процессы перерегистрации собственности: после ухода иностранных инвесторов потребовалось открытие новых юридических лиц, поэтому рост числа новых предприятий еще не является однозначным свидетельством роста деловой активности³⁷.

Третья гипотеза подтверждается. Если в регионе доля населения и организаций, использовавших интернет для заказа и размещения заказов соответственно, была на 1% выше, то деловая активность в этом регионе будет на 0,1–0,14% выше, чем в других. Среди таких регионов Москва, Свердловская, Ленинградская, Московская, Тюменская, и Нижегородская области. Доля интернет-торговли в общем объеме розницы достигла максимальных значений уже накануне введения санкций — 11,2% (8,8% в 2021 году). На фоне закрытия отдельных иностранных магазинов из-за санкций потребительский спрос переместился в интернет, поскольку востребованные товары, завезенные через параллельный импорт, стали продаваться на маркетплейсах. При этом возможностями заказов онлайн пользуется не только население, но и малые и средние предприятия. Так, по данным «Авито», число объявлений о продаже оборудования и расходных материалов в 2022 году по сравнению с 2021-м выросло в два раза³⁸.

Четвертая гипотеза — о влиянии переориентации потоков на нейтральные страны и выгодах для приграничных регионов — подтвердилась для северокавказских республик, в которых наблюдался пик числа регистраций новых предприятий за последние годы. В подтверждение такого объяснения статистика показывает существенный рост грузоперевозок на пунктах пропуска в регионах Северного Кавказа на границе с Грузией и Азербайджаном³⁹. Кроме того, в республиках, имеющих выход на международные рынки (например, турецкий, индийский), высока доля неформальной занятости, то есть много скрытых предпринимателей, которые могли легализовать свой бизнес в новых условиях. Кроме того, в условиях внешних ограничений на перемещения новый импульс получил внутренний туризм и соответствующие малые и средние предприятия (гостиницы, рестораны, развлекательные заведения и т. д.). Так, турпоток на Северный Кавказ вырос на 17%⁴⁰.

---

³⁷ Данные о вновь созданных фирмах, вообще говоря, не позволяют оценить, зарегистрированы они для активной деятельности или с иными целями. Кроме того, известно, что в период пандемии, например, в ряде регионов рост регистрируемых предприятий и рост занятости в секторе МСП можно было связать с желанием предпринимателей получить господдержку [Zemtsov et al., 2022c].

³⁸ <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5839267>.

³⁹ Смотри, например: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/news/gruzoperevozki-cherez-pogranichnye-perekhody-dvzhd-vyrosli-na-29-v-yanvare/>; <https://portnews.ru/news/337410/>.

⁴⁰ Минэкономразвития России. https://www.economy.gov.ru/material/news/turpotok_na_kurorty_kavkazrf_vyros_na_17.html.

Что же касается наличия границ с дружественными странами, в частности Китаем, то этот фактор оказался незначимым, видимо, потому что условия доступа на китайский рынок непросты, к тому же возможности переориентации потоков на китайское направление ограничены недостатками инфраструктуры.

Пятая гипотеза — о негативном влиянии близости недружественных стран — подтвердилась для Украины. Во-первых, наработанные веками деловые связи разрушаются, во-вторых, часть предпринимателей могла покинуть территорию, а соответственно, не запустить новые проекты в связи с растущими некоммерческими рисками. При этом гипотеза подтверждается эконометрически для всей группы регионов, то есть в среднем и для каждого региона этой группы деловая активность ниже среднероссийских значений, но ситуация различается: так, в Краснодарском крае, Ростовской и Белгородской областях с развитым сектором МСП снижение деловой активности не превысило 6%, в то время как в Крыму, Курской и Воронежской областях оно выше 15%.

Большинство контрольных переменных оказалось незначимы. Возможно, дело в их неоднозначном влиянии. Так, уровень безработицы в России находится на рекордно низком уровне, хотя предполагалось, что ее рост мог бы стимулировать вынужденное предпринимательство. Но занятость сохраняется даже на недействующих иностранных предприятиях, например на автогигантах Калужской, Ленинградской, Самарской областей, где введены меры по поддержке временной занятости. Снижение доходов населения также не повлияло негативно на изменение числа новых предприятий — возможно, из-за неоднозначного эффекта на фоне роста предпринимательских доходов населения. Интересно, что в регионах, где число субъектов МСП было больше (крупнейшие агломерации), сокращение деловой активности было ниже.

В более ранних исследованиях [Земцов, Михайлов, 2021; Zemtsov et al., 2022a] показано, что наличие крупных и разнообразных рынков товаров, услуг, капитала и труда может стимулировать создание нового бизнеса в периоды кризисов. Деловой климат региона, в отличие от периода коронакризиса [Zemtsov et al., 2022a], не оказал положительного влияния на рост числа новых предприятий, то есть местные условия для ведения бизнеса не могли компенсировать резкое ухудшение внешних условий. По результатам одной из регрессий оказалось, что динамика новых предприятий в регионах в топ-20 по инвестиционному климату даже ниже, чем в других. Вероятно, предшествующие усилия властей по формированию условий для локализации предприятий иностранными инвесторами в новой ситуации не могли стимулировать открытие новых предприятий.

У применяемого подхода к оценке есть ряд ограничений. Так, нами используются данные о созданных субъектах МСП, но информация о ликвидированных предприятиях (а соответственно, о чистом приросте по региону) будет доступна в середине 2023 года. Есть основания полагать, что часть новых субъектов МСП, ориентированных на параллельный импорт, является дочерними организациями крупных компаний, хотя формально никак с ними не аффилирована. Не учитываются отраслевые различия в секторе МСП: например, меры поддержки ИТ-сектора⁴¹ могли создать условия для деловой активности в высокотехнологичном секторе. Нет точных данных о доле ушедших из России компаний в региональном и отраслевом разрезе, не говоря уже о сложности самого определения статуса компании. К тому же есть ограничения в доступе к данным о контрольных переменных. Например, нет на региональном уровне информации о доступности кредитных ресурсов, хотя в начале 2022 года ставки по кредитам были практически на запретительном уровне для МСП⁴². Нет и оценок государственной политики на региональном уровне⁴³.

Можно считать проведенные нами расчеты предварительными, а полученные результаты расчетов служат, скорее, пояснением выводов, следующих из статистики, и обоснованием для будущих исследований. Результаты расчетов зависят от качества данных, количества объектов и периода наблюдения, поэтому приводимые результаты требуют дальнейшей проверки на устойчивость по мере появления более полных данных.

4. Заключение и рекомендации

Проблема влияния внешних шоков на деловую активность ранее не исследовалась для России, потому что примера подобного рода шоков практически не было. Предпринимательский сектор

---

⁴¹ Для аккредитованных Минцифры РФ компаний установлена нулевая ставка по налогу на прибыль до конца 2024 года. Немаловажной во время мобилизации стала отсрочка от призыва в армию для сотрудников ИТ-компаний в возрасте до 27 лет. Меры поддержки могли лишь частично снизить влияние этого риска.

⁴² После введения санкций банкам-кредиторам было рекомендовано заморозить пени и штрафы для заемщиков, пострадавших от введения экономических санкций. При этом пострадавшими отраслями названо большинство видов деятельности, где преобладает частный бизнес. Для предпринимателей были значимы льготные кредиты на пополнение оборотных средств (программа Минэкономразвития РФ «1764»), а Корпорация МСП и Банк России запустили программу льготных кредитов на инвестиционные цели.

⁴³ Использование данных об объемах господдержки напрямую в регрессиях невозможно из-за проблемы эндогенности [Zemtsov et al., 2022a]. Государство довольно оперативно реагировало на проблемы малого бизнеса, вводились и региональные меры поддержки, но оценок эффективности этой политики нет. По последним оценкам ФОМ, о мерах поддержки известно менее чем половине предпринимателей-респондентов (доля сократилась на 12 п.п. — с 60% во II квартале до 48%), лишь 33% планировали получить поддержку (43% во II квартале). Доля обратившихся выросла во II квартале с 4 до 6% среди всех опрошенных, но среди них 49% оказались не удовлетворены результатами. <https://smbiz.fom.ru/post/otnoshenie-predprinimatelej-k-meram-podderzhki-malogo-biznesa>.

в регионах постепенно адаптируется, используя новые возможности, открывшиеся с разрешением параллельного импорта и уходом иностранных компаний. Сильнее других пострадали те регионы, где было велико число компаний, активно сотрудничающих с зарубежными контрагентами из стран, рынки которых оказались закрыты для российских резидентов. Предприниматели в целом довольно быстро смогли переориентироваться на другие страны и занять освобождающиеся ниши на рынках. Малые и средние предприятия благодаря своей многочисленности (по сравнению с числом крупных компаний), мобильности, гибкости и разнообразию оказались способны быстро подстраиваться под изменение конъюнктуры и преодолевать санкционные барьеры. Возможно, опыт коронакризиса, когда вводились торговые ограничения, способствовал адаптации.

Малый и средний бизнес показал себя как возможный источник новых рабочих мест и инструмент адаптации, в том числе за счет вынужденного предпринимательства и высокой доли самозанятости [Барина и др., 2023].

Показано пространственно неоднородное влияние внешних шоков. Проанализированы предварительные данные о текущих тенденциях⁴⁴, то есть мгновенные эффекты. Однако мы ожидаем возможного изменения ситуации по причине действия средне- и долгосрочных эффектов. Пока не ясно, насколько успешной будет структурная трансформация экономики.

Создание благоприятных условий для появления новых российских компаний — одна из возможных стратегий выхода из кризиса, обеспечения импортозамещения и занятости. России необходим новый источник внутреннего роста и занятости, который способна обеспечить предпринимательская инициатива. В этом случае при формировании образа будущего (к 2030 году) авторам (исходя из опыта других стран) кажется целесообразным, что доля МСП в экономике страны должна вырасти до 35–40% ВВП и 50% занятых, при этом важна диверсификация сектора,

---

⁴⁴ Нами в статье намеренно не рассматриваются вопросы военной экономики, так как в ее условиях действуют иные факторы и стимулы. Влияние объявленной ранее мобилизации неоднозначно: с одной стороны, могло сократиться число предпринимателей, с другой стороны, растет спрос на продукцию и услуги МСП для армии (гособоронзаказ), растут доходы в сельской местности и малых городах за счет перевода заработков мобилизованных своим семьям. Возможно, рост числа новых предприятий в ряде центров ОПК (Пермский край, Свердловская, Челябинская, Ульяновская, Курганская, Омская, Новосибирская области, Татарстан, Башкирия) связан с этими процессами. Однако данных для проверки этих гипотез нет. В условиях мобилизационной экономики, о которой шла речь в 2022 году, деятельность малых и средних предприятий не теряет своего значения. Даже в период Великой Отечественной войны существовали многочисленные кооперативные (негосударственные) предприятия, которые работали и на нужды армии, и на нужды тыла. Напомним также, что в период коронакризиса быстрая реакция многочисленных предпринимателей, в том числе переориентация производств, позволила в короткие сроки ликвидировать нехватку жизненно важных средств защиты (масок и др.).

в частности число новых технологических компаний (стартапов) должно составлять не менее 15 000⁴⁵. Ориентируясь на эти цели, могут быть предложены некоторые рекомендации.

Потребуется внедрение новой предпринимательской политики, направленной на формирование устойчивых региональных экосистем предпринимательства, то есть условий максимального благоприятствования для создания бизнеса, снижения административного и налогового давления, увеличения региональной поддержки и консалтинга для формирования устойчивых сетей экономических агентов (включая МСП, власти, вузы, НИИ, крупные предприятия, НКО и т. д.) и производственных цепочек. Такой подход потребует увеличения роли региональных властей, соответственно, будет предполагать определенную децентрализацию налоговой и бюджетной системы [Баринаова и др., 2023]. Федеральный центр может реагировать на угрозы с опозданием, а региональные власти уже имеют опыт принятия оперативных решений. Подобная политика требует выделения различных групп МСП и разных типов регионов для дифференцированной поддержки [Чепуренко, 2012].

На наш взгляд, в условиях санкционного давления необходимо проведение более открытой и проактивной политики по расширению торговых и иных деловых связей со всеми потенциальными партнерами. Позитивный эффект подобной политики можно наблюдать в росте деловой активности в регионах, приграничных к нейтральным и дружественным странам (например, членам Шанхайской организации сотрудничества): северокавказских республиках, Курганской и Оренбургской областях, Забайкальском крае. Требуется продолжить работы по расширению пунктов пропуска и в целом модернизации, автоматизации и цифровизации пограничной инфраструктуры. Необходимо продумать необходимость создания преференциальных режимов в указанных регионах. Будут востребованы меры по ликвидации визовых ограничений для привлечения внешних туристов.

Важно создать новые стимулы для перевода компаний российских бенефициаров из офшорных юрисдикций (Кипра, Нидерландов, Великобритании и др.) в российскую для снижения санкционных рисков. В России уже внедрен режим специальных административных районов на о. Русский (Приморский край) и о. Октябрьский (Калининградская область)⁴⁶.

⁴⁵ Для сравнения: в 2020 году доля МСП в ВВП — около 22,5%, в занятости — около 30%, число стартапов — чуть менее 10 тыс. [Баринаова и др., 2023; Zemtsov et al., 2021].

⁴⁶ Минэкономразвития России. https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/specialnye_administrativnye_rayony/.

В центрах обрабатывающей промышленности, потерявших иностранных инвесторов (Калининградской, Калужской, Ульяновской областях и др.), потребуются меры по ускорению импортозамещения и выстраиванию новых производственных связей. Важную роль могут сыграть ведущие средние высокотехнологичные компании, способные закупать, дорабатывать и эксплуатировать подсанкционное оборудование через инструмент параллельного импорта [Медовников и др., 2019]. Важным может быть опыт Китая по созданию технологических компаний, в том числе в рамках университетских проектов [Fan, Watanabe, 2006; Xiwei, Xiangdong, 2007]. Для поддержки потребуется разработать дополнительные долгосрочные программы льготного кредитования, в том числе в рамках дальнейшей докапитализации региональных фондов промышленности. Необходимы новые инструменты беззалогового кредитования для МСП. На наш взгляд, важно расширение практики использования офсетных контрактов, то есть контрактов полного жизненного цикла для МСП: от идеи, производства до готового рынка сбыта. Это позволит точно решать проблемы в импортозамещении товаров и услуг. Возможно расширение форм поддержки компаний — «региональных чемпионов» с обязательным полным раскрытием информации о грантах и участниках на конкурсной основе, обязательным привлечением внешних экспертов и последующими мониторингом и оценкой эффективности программ такого рода.

Для расширения числа потенциальных производителей необходимо расширение и повышение эффективности использования центров коллективного пользования, создание фаблабов в регионах, в том числе на мощностях ушедших иностранных компаний. Потенциальные предприниматели могли бы отработать производственные процессы на оборудовании и получить консультацию мастеров (наставников), которые оказались менее загруженными. При этом необходимо обеспечить взаимодействие колледжей и других образовательных организаций с центрами молодежного инновационного творчества, фаблабами с целью получения обучающимися (и переобучающимися) узкоспециализированных профессиональных навыков, пригодных для создания предприятий.

Есть основания обсуждать дальнейшую либерализацию правового режима на рынках интеллектуальной собственности, например применение механизмов параллельного импорта технологий. Потребуется развитие дополнительных центров реинжиниринга. Возможно, под эти задачи может быть частично переориентирована работа передовых инженерных школ.

Многие малые предприятия пережили период коронакризиса и шоки 2022 года благодаря цифровизации процессов продажи. Теперь требуется более полная интеграция в цифровые платформы и автоматизация производственных процессов. Для этого необходимо существенное расширение и дополнение платформы по продажам российского программного обеспечения, дополнительные программы и консалтинг. Это создаст многомиллиардный рынок для российских стартапов. Продукты, разработанные стартапами за счет госзакупок и иных программ поддержки, позволят снизить зависимость от иностранного программного обеспечения и воспрепятствовать отъезду квалифицированных специалистов из России⁴⁷.

Для защиты интересов предпринимателей на региональном уровне могут использоваться специальные подразделения в исполнительных органах власти регионов (штабы совместно с центрами управления регионов), созданные под руководством губернаторов. Они должны быть наделены не только совещательными функциями, но и правами по медиации конфликтов с юридической точки зрения. Потребуется информационная открытость и прозрачность в их деятельности, рекомендуется привлекать для участия независимых представителей экспертного сообщества.

Литература

1. *Барина В. А., Земцов С. П., Царева Ю. В.* В поисках предпринимательства в России. Ч. I: Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться. М.: Дело, 2023.
2. *Гимпельсон В. Е.* Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые перераспределительные последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 234–238.
3. *Давыдов А. Ю., Скворцов В. Н., Тропов И. А.* Новая экономическая политика в новейшей отечественной историографии: к вопросу о структурировании проблем // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. С. 27–36.
4. *Демидова К. В.* МСП в условиях антироссийских санкций: итоги первого полугодия 2022 г. и возможные направления поддержки // Экономическое развитие России. 2022. № 11. С. 46–58.
5. *Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А.* Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России // Экономическое развитие России. 2022. № 4. С. 4–14.
6. *Земцов С. П., Михайлов А. А.* Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. 2021. № 4. С. 34–45.
7. *Зубаревич Н. В.* Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 217–226.
8. *Кнобель А. Ю., Прока К. А., Багдасарян К. М.* Международные экономические санкции: теория и практика их применения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019а. № 3. С. 152–162.

⁴⁷ Аналитики сообщили о восьмикратном росте числа российских фирм в Турции. <https://www.rbc.ru/business/20/03/2023/6418578c9a79470d84a33362>.

9. Кнобель А. Ю., Лощенкова А. Н., Прока К. А., Багдасарян К. М. Санкции: всерьез и надолго. М.: Дело, 2019b.
10. Кузнецова О. В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль офшорного капитала // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 8. С. 47–62.
11. Кузнецова О. В. Роль иностранного капитала в экономике российских регионов: возможности оценки и межрегиональные различия // Проблемы прогнозирования. 2016. № 3. С. 59–70.
12. Ляшок В. Ю. Санкции и российский рынок труда: эффект пока неочевиден // Экономическое развитие России. 2022a. № 8. С. 50–55.
13. Ляшок В. Ю. Санкции пока не вызвали роста безработицы // Экономическое развитие России. 2022b. № 4. С. 50–52.
14. Мау В. А. НЭП в контексте российской революции // НЭП: приобретения и потери. М.: Наука, 1994.
15. Медовников Д. С., Оганесян Т. К., Розмирович С. Д. Кандидаты в чемпионы: средние быстрорастущие компании и программы их поддержки // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 50–66.
16. Муравьева Л. А. Новая экономическая политика: результаты, противоречия и тупики развития // Финансы и кредит. 2002. № 21. С. 78–87.
17. Оборин М. С. Кластерное развитие промышленности регионов // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2022. № 4. С. 97–114.
18. Российская экономика в 2021 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 43) / Под ред. А. Л. Кудрина, В. А. Мау, А. Д. Радыгина, С. Г. Синельникова-Мурылева. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022.
19. Ситкевич Д.А., Стародубровская И.В. Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 77–98.
20. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 6. С. 52–67.
21. Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 218–225.
22. Хмелева Г. А. Российские регионы в условиях санкций: возможности опережающего развития экономики на основе инноваций. Самара: СГЭУ, 2019.
23. Чепуренко А. Ю. Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (Заметки на полях работ современных зарубежных классиков) // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 13. С. 102–124.
24. Юзвович Л. И. Иностраный концессионный капитал в период новой экономической политики // Финансы и кредит. 2012. № 45. С. 71–76.
25. Acs Z. J., Stam E., Audretsch D. B., O'Connor A. The Lineages of the Entrepreneurial Ecosystem Approach // Small Business Economics. 2017. Vol. 49. No 1. P. 1–10.
26. Ahadi S., Kasraie S. Contextual Factors of Entrepreneurship Intention in Manufacturing SMEs: The Case Study of Iran // Journal of Small Business and Enterprise Development. 2020. No 4. P. 633–657.
27. Aurangzeb Z., Stengos T. The Role of Foreign Direct Investment (FDI) in a Dualistic Growth Framework: A Smooth Coefficient Semi-parametric Approach // Borsa Istanbul Review. 2014. Vol. 14. No 3. P. 133–144.
28. Bedi A. S., Cielik A. Wages and Wage Growth in Poland: The Role of Foreign Direct Investment // Economics of Transition. 2002. Vol. 10. No 1. P. 1–27.
29. Behjati S. Critical Remarks About Environmentalism Implication by Iranian SMEs // European Journal of Sustainable Development. 2017. Vol. 6. No 3. P. 209–209.
30. Brück T., Naudé W., Verwimp P. Business Under Fire: Entrepreneurship and Violent Conflict in Developing Countries // Journal of Conflict Resolution. 2013. Vol. 57. No 1. P. 3–19.

31. Cavallo A., Ghezzi A., Balocco R. Entrepreneurial Ecosystem Research: Present Debates and Future Directions // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2019. Vol. 15. No 4. P. 1291–1321.
32. Cheratian I., Goltabar S., Farzanegan M. R. Survival Strategies Under Sanctions: Firm-Level Evidence from Iran. CESifo Working Paper. 2022.
33. Dizaji S. F. Economic Diplomacy in Iran: Reorientation of Trade to Reduce Vulnerability // *Research Handbook on Economic Diplomacy*. Edward Elgar Publishing, 2018. P. 273–296.
34. Early B., Peksen D. Searching in the Shadows: The Impact of Economic Sanctions on Informal Economies // *Political Research Quarterly*. 2019. No 4. P. 821–834.
35. Fan P., Watanabe C. Promoting Industrial Development Through Technology Policy: Lessons from Japan and China // *Technology in Society*. 2006. No 3. P. 303–320.
36. Girma S., Gong Y., Görg H. What Determines Innovation Activity in Chinese State-Owned Enterprises? The Role of Foreign Direct Investment // *World Development*. 2009. Vol. 37. No 4. P. 866–873.
37. Kalhor E., Ashourizadeh S., Schött T. An Experiment of Institutional Change in the Ecosystem of Entrepreneurship: Easing Sanctions Against Iran // *European Journal of International Management*. 2019. Vol. 13. No 4. P. 435–453.
38. Kawase K. Shenzhen's Success Overshadows China's Other Special Economic Zones. Nikkei Asia, 2020.
39. Kelishomi A. M., Nisticò R. Employment Effects of Economic Sanctions in Iran // *World Development*. 2022. No 151. P. 1–53.
40. Khosravi A., Taylor R., Naghavi M., Lopez A. D. Differential Mortality in Iran // *Population Health Metrics*. 2007. No 5. P. 1–15.
41. Murdoch J. C., Sandler T. Civil Wars and Economic Growth: Spatial Dispersion // *American Journal of Political Science*. 2004. No 1. P. 138–151.
42. Neto D. G., Veiga F. J. Financial Globalization, Convergence and Growth: The Role of Foreign Direct Investment // *Journal of International Money and Finance*. 2013. Vol. 37. P. 161–186.
43. Neuenkirch M., Neumeier F. The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth // *European Journal of Political Economy*. 2015. No 40. P. 110–125.
44. Osano H. M., Koine P. W. Role of Foreign Direct Investment on Technology Transfer and Economic Growth in Kenya: A Case of the Energy Sector // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2016. Vol. 5. No 1. P. 1–25.
45. Saggi K. Trade, Foreign Direct Investment, and International Technology Transfer: A Survey // *The World Bank Research Observer*. 2002. Vol. 17. No 2. P. 191–235.
46. Singh J., Chadha S., Sharma A. Role of Foreign Direct Investment in India: An Analytical Study // *Research Inventy: International Journal of Engineering and Science*. 2012. Vol. 1. No 5. P. 34–42.
47. Tülüce N. S., Doğan İ. The Impact of Foreign Direct Investments on SMEs' Development // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 150. P. 107–115.
48. Tuomi K. The Role of the Investment Climate and Tax Incentives in the Foreign Direct Investment Decision: Evidence from South Africa // *Journal of African Business*. 2011. Vol. 12. No 1. P. 133–147.
49. Van der Lugt S., Hamblin V., Burgess M., Schickerling E. Assessing China's Role in Foreign Direct Investment in Southern Africa. 2011.
50. Xiwei Z., Xiangdong Y. Science and Technology Policy Reform and Its Impact on China's National Innovation System // *Technology in Society*. 2007. Vol. 29. No 3. P. 317–325.
51. Yitao T. Annual Report on the Development of China's Special Economic Zones. Singapore: Springer, 2016.
52. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R., Mikhailov A. Entrepreneurship Policy and SME Development During Pandemic Crisis in Russia // *Regional Research of Russia*. 2022a. Vol. 12. No 3. P. 321–334.
53. Zemtsov S., Chepurenko A., Mikhailov A. Pandemic Challenges for the Technological Startups in the Russian Regions // *Foresight and STI Governance*. 2021. Vol. 15. No 4. P. 61–77.

54. Zemtsov S., Demidova K., Kichaev D. Internet Diffusion and Interregional Digital Divide in Russia: Trends, Factors, and the Influence of the Pandemic // *Baltic Region*. 2022b. No 14(4). P. 57–78.
55. Zemtsov S., Tsareva Y., Barinova V., Belitski M., Krasnoselskikh A. Small Business in Russia: Institutions, Market Potential, Taxes and Digitalization // *Post-Communist Economies*. 2022c. No 34. P. 1029–1053.
56. Zhuravskaya E., Guriev S., Markevich A. *New Russian Economic History*. London: CEPR, 2021.

References

1. Barinova V. A., Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. *V poiskakh predprinimatel'stva v Rossii. Ch. 1: Chto meshaet malomu i srednemu biznesu razvivat'sya [In Search of Entrepreneurship in Russia. Part 1. What Disturbs the Development of SMEs]*. Moscow, Delo, 2023. (In Russ.)
2. Gimpelson V. E. Chelovecheskiy kapital v epokhu sanktsiy i kontrsanktsiy: nekotorye pereraspredelitel'nye posledstviya [Human Capital in the Era of Sanctions and Counter-sanctions: Some Consequences of Redistribution]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2022, no. 3, pp. 234-238. (In Russ.)
3. Davydov A. Yu., Skvortsov V. N., Tropov I. A. Novaya ekonomicheskaya politika v noveyshy otechestvennoy istoriografii: k voprosu o strukturirovaniy problem [New Economic Policy in the Latest National Historiography: On the Issue of Structuring Problems]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina [Bulletin of Pushkin Leningrad State University]*, 2013, no. 4, pp. 27-36. (In Russ.)
4. Demidova K. V. MSP v usloviyakh antirossiyskikh sanktsiy: itogi pervogo polugodiya 2022 g. i vozmozhnye napravleniya podderzhki [SMEs in Conditions of Anti-Russian Sanctions: Results for the First Half of 2022 and Possible Prospects for Support]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia]*, 2022, no. 11, pp. 46-58. (In Russ.)
5. Zemlyanskiy D. Yu., Kalinovskiy L. V., Medvednikova D. M., Chuzhenkova V. A. Otsenka riskov priostanovki deyatel'nosti inostrannykh kompaniy dlya ekonomiki i rynkov truda regionov Rossii [Assessment of Risks From Suspension of Functioning by Foreign Companies for Economics and Labor Markets of Russian Regions]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia]*, 2022, no. 4, pp. 4-14. (In Russ.)
6. Zemtsov S. P., Mikhaylov A. A. Tendentsii i faktory razvitiya malogo i srednego biznesa v regionakh Rossii v period koronakrizisa [Trends and Development Factors of SMEs in Russian Regions During the Coronavirus Crisis]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia]*, 2021, no. 4, pp. 34-45. (In Russ.)
7. Zubarevich N. V. Regiony Rossii v novykh ekonomicheskikh usloviyakh [Regions of Russia in New Economic Conditions]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2022, no. 3, pp. 217-226. (In Russ.)
8. Knobel A. Yu., Proka K. A., Bagdasaryan K. M. Mezhdunarodnye ekonomicheskie sanktsii: teoriya i praktika ikh primeneniya [International Economic Sanctions: Theory and Practice of Their Application]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2019a, no. 3, pp. 152-162. (In Russ.)
9. Knobel A. Yu., Loshhenkova A. N., Proka K. A., Bagdasaryan K. M. *Sanktsii: vser'ez i na dolgo [Sanctions: In Earnest and For a Long Time]*. Moscow, Delo, 2019b. (In Russ.)
10. Kuznetsova O. V. Nakoplennye inostrannyye investitsii v rossiyskikh regionah: territorial'naya struktura i rol' ofshornogo kapitala [Accumulated Foreign Investments in Russian Regions: Spatial Structures and the Role of Offshore Capital]. *Kontury global'nykh transformatsiy: Politika, ekonomika, pravo [Contours of Global Transformation: Politics, Economics, Law]*, 2015, no. 8, pp. 47-62. (In Russ.)
11. Kuznetsova O. V. Rol' inostrannogo kapitala v ekonomike rossiyskikh regionov: vozmozhnosti otsenki i mezhtseional'nye razlichiya [The Role of Foreign Capital in the Economics of Russian Regions: Possibilities of Assessment and Interregional Differences]. *Problemy prognozirovaniya [Problems of Prognosing]*, 2016, no. 3, pp. 59-70. (In Russ.)

12. Lyashok V. Yu. Sanktsii i rossiyskiy rynek truda: effekt poka neocheviden [Sanctions and the Russian Labor Market: No Effect Seen So Far]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia]*, 2022a, no. 8, pp. 50-55. (In Russ.)
13. Lyashok V. Yu. Sanktsii poka ne vyzvali rosta bezrobotitsy [Sanctions Have Not Yet Caused Increased Unemployment]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Economic Development of Russia]*, 2022b, no. 4, pp. 50-52. (In Russ.)
14. Mau V. A. NEP v kontekste rossiyskoy revolyutsii [The New Economic Policy in the Context of the Russian Revolution]. In: *NEP: priobreteniya i poteri [New Economic Policy: Gains and Losses]*. Moscow, Nauka, 1994. (In Russ.)
15. Medovnikov D. S., Oganetsyan T. K., Rozmirovich S. D. Kandidaty v chempiony: srednie bystrorastushchie kompanii i programmy ikh podderzhki [Candidates for Championship: Fast-Growing Medium-Sized Companies and Programs for Their Support]. *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 9, pp. 50-66. (In Russ.)
16. Muraeva L. A. Novaya ekonomicheskaya politika: rezul'taty, protivorechiya i tupiki razvitiya [New Economic Policy: Results, Contradictions and Dead Ends of Development]. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*, 2002, no. 21, pp. 78-87. (In Russ.)
17. Oborin M. S. Klasternoe razvitie promyshlennosti regionov [Cluster Development of Regional Industries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika [Bulletin of Moscow University. Series 6: Economics]*, 2022, no. 4, pp. 97-114. (In Russ.)
18. Kudrin A. L., Mau V. A., Radygin A. D., Sinelnikov-Murylev S. G. (eds.). *Rossiyskaya ekonomika v 2021 godu. Tendentsii i perspektivy (Vyp. 43) [Russian Economics in 2021: Trends and Perspectives (Vol. 43)]*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2022. (In Russ.)
19. Sitkevich D. A., Starodubrovskaya I. V. Kratko- i dolgosrochnye posledstviya sanktsiy: opyt Irana i Yugoslavii [Short-Term and Long-Term Consequences of Sanctions: Experience of Iran and Yugoslavia]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Questions of Theoretical Economics]*, 2022, no. 3, pp. 77-98. (In Russ.)
20. Smorodinskaya N. V., Katukov D. D. Rossiya v usloviyakh sanktsiy: predely adaptatsii [Russia Under Sanctions: The Limits of Adaptation]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN [Bulletin of the Institute of Economics RAS]*, 2022, no. 6, pp. 52-67. (In Russ.)
21. Ushkalova D. I. Vneshnyaya trgovlya Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya [International Trade of Russia Under the Pressure of Sanctions]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2022, no. 3, pp. 218-225. (In Russ.)
22. Khmeleva G. A. Rossiyskie regiony v usloviyakh sanktsiy: vozmozhnosti operezhayushchego razvitiya ekonomiki na osnove innovatsiy [Russian Regions Under Sanctions: Potential for Advanced Development of Economics Based on Innovations]. Samara, Samara State University of Economics, 2019. (In Russ.)
23. Chepurenko A. Yu. Chto takoe predprinimatel'stvo i kakaya politika v otnoshenii predprinimatel'stva nuzhna Rossii? (Zametki na polyakh rabot sovremennykh zarubezhnykh klassikov) [What is Entrepreneurship and Which Entrepreneurial Policy Does Russia Need? (Marginal Notes on Modern Foreign Classics)]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2012, no. 13, pp. 102-124. (In Russ.)
24. Yuzvovich L. I. Inostranny kontsessionny kapital v period novoy ekonomicheskoy politiki [Foreign Concession Capital Under the New Economic Policy]. *Finansy i kredit [Finance and Credit]*, 2012, no. 45, pp. 71-76. (In Russ.)
25. Acs Z. J., Stam E., Audretsch D. B., O'Connor A. The Lineages of the Entrepreneurial Ecosystem Approach. *Small Business Economics*, 2017, vol. 49, no. 1, pp. 1-10.
26. Ahadi S., Kasraie S. Contextual Factors of Entrepreneurship Intention in Manufacturing SMEs: The Case Study of Iran. *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2020, no. 4, pp. 633-657.
27. Aurangzeb Z., Stengos T. The Role of Foreign Direct Investment (FDI) in a Dualistic Growth Framework: A Smooth Coefficient Semi-parametric Approach. *Borsa Istanbul Review*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 133-144.
28. Bedi A. S., Cielik A. Wages and Wage Growth in Poland: The Role of Foreign Direct Investment. *Economics of Transition*, 2002, vol. 10, no. 1, pp. 1-27.

29. Behjati S. Critical Remarks About Environmentalism Implication by Iranian SMEs. *European Journal of Sustainable Development*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 209-209.
30. Brück T., Naudé W., Verwimp P. Business Under Fire: Entrepreneurship and Violent Conflict in Developing Countries. *Journal of Conflict Resolution*, 2013, vol. 57, no. 1, pp. 3-19.
31. Cavallo A., Ghezzi A., Balocco R. Entrepreneurial Ecosystem Research: Present Debates and Future Directions. *International Entrepreneurship and Management Journal*, 2019, vol. 15, no. 4, pp. 1291-1321.
32. Cheratian I., Goltabar S., Farzanegan M. R. Survival Strategies Under Sanctions: Firm-Level Evidence from Iran. *CESifo Working Paper*, 2022.
33. Dizaji S. F. Economic Diplomacy in Iran: Reorientation of Trade to Reduce Vulnerability. *Research Handbook on Economic Diplomacy*. Edward Elgar Publishing, 2018, pp. 273-296.
34. Early B., Peksen D. Searching in the Shadows: The Impact of Economic Sanctions on Informal Economies. *Political Research Quarterly*, 2019, no. 4, pp. 821-834.
35. Fan P., Watanabe C. Promoting Industrial Development Through Technology Policy: Lessons from Japan and China. *Technology in Society*, 2006, no. 3, pp. 303-320.
36. Girma S., Gong Y., Görg H. What Determines Innovation Activity in Chinese State-Owned Enterprises? The Role of Foreign Direct Investment. *World Development*, 2009, vol. 37, no. 4, pp. 866-873.
37. Kalhor E., Ashourizadeh S., Schött T. An Experiment of Institutional Change in the Ecosystem of Entrepreneurship: Easing Sanctions Against Iran. *European Journal of International Management*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 435-453.
38. Kawase K. Shenzhen's Success Overshadows China's Other Special Economic Zones. *Nikkei Asia*, 2020.
39. Kelishomi A. M., Nisticò R. Employment Effects of Economic Sanctions in Iran. *World Development*, 2022, no. 151, pp. 1-53.
40. Khosravi A., Taylor R., Naghavi M., Lopez A. D. Differential Mortality in Iran. *Population Health Metrics*, 2007, no. 5, pp. 1-15.
41. Murdoch J. C., Sandler T. Civil Wars and Economic Growth: Spatial Dispersion. *American Journal of Political Science*, 2004, no. 1, pp. 138-151.
42. Neto D. G., Veiga F. J. Financial Globalization, Convergence and Growth: The Role of Foreign Direct Investment. *Journal of International Money and Finance*, 2013, vol. 37, pp. 161-186.
43. Neuenkirch M., Neumeier F. The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth. *European Journal of Political Economy*, 2015, no. 40, pp. 110-125.
44. Osano H. M., Koine P. W. Role of Foreign Direct Investment on Technology Transfer and Economic Growth in Kenya: A Case of the Energy Sector. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2016, vol. 5, no. 1, pp. 1-25.
45. Saggi K. Trade, Foreign Direct Investment, and International Technology Transfer: A Survey. *The World Bank Research Observer*, 2002, vol. 17, no. 2, pp. 191-235.
46. Singh J., Chadha S., Sharma A. Role of Foreign Direct Investment in India: An Analytical Study. *Research Inventy: International Journal of Engineering and Science*, 2012, vol. 1, no. 5, pp. 34-42.
47. Tülüce N. S., Doğan İ. The Impact of Foreign Direct Investments on SMEs' Development. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 150, pp. 107-115.
48. Tuomi K. The Role of the Investment Climate and Tax Incentives in the Foreign Direct Investment Decision: Evidence From South Africa. *Journal of African Business*, 2011, vol. 12, no. 1, pp. 133-147.
49. Van der Lugt S., Hamblin V., Burgess M., Schickerling E. *Assessing China's Role in Foreign Direct Investment in Southern Africa*, 2011.
50. Xiwei Z., Xiangdong Y. Science and Technology Policy Reform and Its Impact on China's National Innovation System. *Technology in Society*, 2007, vol. 29, no. 3, pp. 317-325.
51. Yitao T. *Annual Report on the Development of China's Special Economic Zones*. Singapore, Springer, 2016.

52. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R., Mikhailov A. Entrepreneurship Policy and SME Development During Pandemic Crisis in Russia. *Regional Research of Russia*, 2022a, vol. 12, no. 3, pp. 321-334.
53. Zemtsov S., Chepurenko A., Mikhailov A. Pandemic Challenges for the Technological Startups in the Russian Regions. *Foresight and STI Governance*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 61-77.
54. Zemtsov S., Demidova K., Kichaev D. Internet Diffusion and Interregional Digital Divide in Russia: Trends, Factors, and the Influence of the Pandemic. *Baltic Region*, 2022b, no. 14(4), pp. 57-78.
55. Zemtsov S., Tsareva Y., Barinova V., Belitski M., Krasnoselskikh A. Small Business in Russia: Institutions, Market Potential, Taxes and Digitalization. *Post-Communist Economies*, 2022c, no. 34, pp. 1029-1053.
56. Zhuravskaya E., Guriev S., Markevich A. *New Russian Economic History*. London, CEPR, 2021.